

Людмила Луцевич
Доктор филологических наук, профессор
Варшавский университет
Warszawa 02-633 ul. Turystyczna 1 A
l.lutevici@uw.edu.pl

Warszawa 23.03.2016

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию д-ра Анджея Борковского *Лабиринты дискурсов в славянских литературах эпохи барокко. Религия – политика - общество*. COLLOQUIA LITTERARIA SEDLCENSIA XVII, Siedlce, WYDAWNICTWO: IKRiBL 2015, - 248 s.

Барокко - один из великих европейских стилей, распространился в конце XVI - XVIII вв. не только в западноевропейских, но и в большинстве славянских культур. Проблемы барокко вообще и славянского барокко в частности в XX в. обратили на себя самое пристальное внимание ученых разных стран. К настоящему времени научная литература, посвященная искусству барокко, исчисляется тысячами наименований. И вместе с тем как само явление, так и новые аспекты в его осознании по-прежнему остаются актуальными для исследований. Об этом свидетельствуют разнообразные современные переиздания произведений авторов барокко, а также постоянно появляющиеся в печати коллективные и индивидуальные новые научные труды. Так, например, только в Польше летом 2015 г. параллельно вышли две монографии – проф. Валентины Соболев, затронувшей актуальные вопросы украинского барокко (*Українське бароко. Тексти і контексти*, Варшава, 2015. – 382 с.), и рецензируемая книга д-ра Анджея Борковского, сосредоточившегося на ряде существенных проблем общеславянского барокко (в первую очередь польского, русского, чешского, словенского).

Искусство барокко, как известно, стремилось передать настроения постренессансной личности, с одной стороны, утратившей доверие к возможностям человеческого разума в понимании современного мира с его неразрешимыми противоречиями, проявлявшимися во всех сферах социально-общественной жизни; с другой – выразить мощное, страстное устремление к Богу. Отсюда прихотливые символично-аллегорические сочетания духовного и телесного, мистического и аскетического, мученического и комического, карнавального и индивидуального, дидактического и эстетического и проч., и проч., породившие сложнейшую структурную и семантико-стилистическую многомерность барочного текста, что соотносится с архетипом лабиринта в культуре.

А. Борковский, используя в названии своей монографии словосочетание «лабиринты дискурсов», пояснил, что в эпоху барокко *лабиринт* выступал по меньшей мере в трех функциях: 1) «одного из наиболее популярных *символов*», 2) «*принципом конструкции* литературных текстов», а также 3) «*способом... организации... пространства*» (с. 11). Автор книги учитывает указанные значения при описании конкретных текстов, но вместе с тем специально поясняет, что в монографии его интересует *лабиринт* прежде всего как «термин, который подчеркивает характер и

способ существования дискурсов в славянских литературах эпохи барокко» (с. 11). В понимании собственно *дискурса* автор исходит из возможностей этого термина передавать «динамику устных и письменных высказываний, способности донести до сведения, перемещения в пространстве и времени... присваивание сообществом информации» (с. 11-12). Свою основную научную задачу А. Борковский видит в том, чтобы «представить дискурсы как творения, подобные лабиринту, которые ... функционируют в границах общественной жизни», переплетаются и изменяются (с. 12).

Поставив во главу угла принципы типологические, А. Барковский сосредоточился на сравнительно-сопоставительных характеристиках прецедентных текстов польского, чешского, словацкого и русского барокко, подчинив структуру своей монографии проблематике, соотносящейся с тремя сферами - религии, политики и общества. Отмечу, что в данном случае не выдержан единый критерий: понятия видовые и родовые представлены как элементы единой парадигмы, хотя очевидно, что «общество» как родовое понятие в принципе поглощает видовые - «религию» и «политику». Однако этот просчет автора компенсируется разнообразием привлеченных для анализа материалов, опытами их новых интерпретаций и анализов, логичностью выводов.

Наибольший интерес, на мой взгляд, представляет первая часть монографии (она же наиболее объемная и глубокая по содержанию) - «*Религия*», поэтому останавлюсь подробнее на этом разделе. Каждая из трех глав, входящих в данный раздел, на конкретном историко-литературном материале ставит и решает проблему *религиозного дискурса*. Так, в I главе основным предметом изучения становятся прозаический трактат чеха Яна Амоса Коменского «*Лабиринт света и рай сердца*» (1623) и стихотворная поэма поляка Каспера Твардовского «*Лодка молодежи, плывущая к берегу*» (1618), рассмотренные с компаративистских позиций как аллегорические путешествия, имеющие многовековую библейскую, античную и средневековую традицию. Опираясь на богатую научную литературу, А. Борковский подчеркивает, что Коменский строит свой аллегорический трактат, с одной стороны, на противопоставлении *внешнего мира* (с его соблазнами, безднами пороков, зла) и *внутренней религии сердца* (с ее устремленностью к христианскому идеалу), с другой - на динамике, непрерывном движении, переходах, перетекании пространства - от внешнего к внутреннему, от горизонтали к вертикали. При этом важнейшим структуро- и сюжетообразующим фактором в тексте становится *путешествие/странствие* молодого человека по городу (возникает урбанистическая риторика), символизирующему мир с его разветленными аллегорически означенными социальными и властными структурами, провоцирующими в конечном счете человеческие страдания, бедствия и катастрофы. В монографии А. Борковского в целом превалирует описание и пересказ. И в данном случае автор кратко, но строго соблюдая последовательность, передает содержание всех 54 глав трактата. Идя вслед за Коменским, исследователь много внимания уделяет маршруту героя, его пребыванию в разнообразных аллегорических топосах и локусах, его «встречам» с различными аллегорическими персонажами, что в совокупности призвано продемонстрировать характерное для эпохи барокко двойственное представление о мире - как некоем идеальном измышлении человеческого сознания, с одной стороны, и как сложной

паутине обмана и зла в житейском быту, с другой. Путешествие по лабиринту урбанистического зла доводит путника до состояния полного отчаяния; однако он находит в себе силы для обращения с молитвой к Господу. Последующее *про-зрение* героя обуславливает чудесное видение Иисуса и полную внутреннюю метаморфозу путешественника, приведшую к рождению истинного христианина, для которого, как подчеркнул Коменский, «двойкий ярчайший свет сияет - *свет разума и свет веры*» (Коменский Я. А. *Лабиринт света и Рай сердца*. М.: Изд. «МИК», 2000, с. 76).

Стоило бы автору изначально обратить внимание на то, что полное название трактата чешского писателя-теолога («*Лабиринт света и рай сердца, сиречь ясное изображение того, как на этом свете во всех делах его нет ничего иного, нежели только маета и метания, мытарства и морока, призрак и обман, тяготы и печали – и, наконец, отвращение от жизни и отчаяние; но кто затворяется в сердце своем с единым Господом Богом, тот воистину полное успокоение души и восторг обрящет*») очень значимо концептуально в своей опоре, с одной стороны, на показательные барочные метафоры, символы, аллегории, а с другой - в попытке рационально-риторической презентации текста с его установкой на *docere*. В монографии в характеристике текста Коменского акцент сделан на первой линии, вторая оказалась несколько упущенной, в результате – концепция чешского писателя представлена не столь гармонично, как могла бы быть.

В основе стихотворной поэмы польского поэта Каспера Твардовского «*Лодка с молодежью, плывущая к берегу*», по верному наблюдению А. Борковского, также лежит аллегория: человеческая жизнь – гнилая лодка, плывущая по океану греха; а единственная спасительная для нее мачта – это крест. Путешественника, пустившегося в долгое плавание («появляется морская риторика», с. 48), подстерегали всяческие «прелести», соблазны мира, пока он, под влиянием учителей, не осознал, что только «обращение к Христу спасет лодку» (с. 50). Существенным структурообразующим фактором в этой поэме, как справедливо отметил исследователь, является сон путешественника, где Мать Божья призывает героя внимать Вечному Пастырю, способному привести человека в вечную гавань. Духовная метаморфоза героя в этом случае происходит под влиянием Христа, Матери Божьей и святых. Исследователь, в результате тщательно проведенного компаративистского анализа, зафиксировал общие элементы в произведениях чешского и польского авторов на сюжетно-композиционном, образном, стилистическом уровнях, указал на интертекстуальность обоих текстов, отметил их дидактический пафос.

Во второй главе первого раздела автор рассмотрел «*Мистико-аскетические элементы в славянских литературах эпохи барокко на основе произведений протопопа Аввакума, Марианны Мархоцкой, Кристины Понятовской, Зофьи Томицкой*»). Здесь внимание А. Борковского привлекли в первую очередь духовные автобиографии русского протопопа Аввакума (ок. 1620-1682) и польской кармелитки Марианны Мархоцкой (1603-1652). В текстах этих авторов - «*Житии протопопа Аввакума, им самим написанном*» и в «*Мистической автобиографии*», исследователь стремится «выявить определённые сходства и дальнейшее родство, а также различия» (с. 59).

При характеристике «*Жития протопопа Аввакума*», А. Борковский, опираясь на обширную научную литературу, сначала дал краткое представление о духовном

климате эпохи и проблеме раскола в русской православной церкви, а затем подробнее остановился на основных эпизодах страдальческой жизни героя, обращая внимание на мастерское включение протопопом в хронологию своих жизненных событий разного рода описаний, размышлений, повествований, а также на введение им в текст элементов путешествия, дневника, живого диалога, что расширяло жанровые границы жития, выводило его за строгие канонические рамки. На примере автобиографии неистового протопопа А. Борковский показывает, как мистика литургическая, в которой участвует, начиная от крещения, каждый христианин, перерастает в высшую и наиболее полную форму христианской мистики – в аскетизм, где воплощаются идеалы и устремления верующего человека. Кроме того, применительно к Аввакуму используется и такое духовное понятие, как мученичество. Ссылаясь на В. Якубовского, автор монографии подчеркивает, что протопоп «предстаёт нерушимым защитником истинной, а конкретно старой веры... которому присущи черты святого и мученика» (с. 66). «*Мистическая автобиография*» Марианны Мархоцкой не содержит таких ярких драматических событий, как «*Житие*» Аввакума. Но А. Борковскому важно здесь выявить основные тенденции в моделировании духовного пути кармелитки, поэтому он обращает внимание на то, что с детских лет ей присуща набожность, в юности – страстное желание уйти в монастырь, в зрелом возрасте – строгое монашество, молитвы, физические болезни, духовные искушения, видения, экстазы и, наконец, аскетизм – как мастерство уничтожения себя и способность покоряться воле Божьей. Исследователь, обнаруживая определённые сходства (но и существенные различия) между изучаемыми текстами, приходит к выводу, что «мистико-аскетический дискурс с огромной силой проявляется в произведениях» обоих авторов, а образы созданных ими «героев демонстрирует родство в несокрушимости характеров, богатой внутренней жизни, ...мистические переживания» (с. 74). Далее, обратившись к изучению «откровений» Кристины Понятовской и Зофьи Томицкой, А. Борковский подробно охарактеризовал структуру словесно зафиксированного ими «мистического опыта», выявил его семантику и определил характер образности. Так, рассматривая, например, откровения Понятовской, автор монографии обратил внимание на композиционную унификацию текстов, включающих, как правило, такие элементы, как заглавие, время и место откровения, психическое и физическое состояние ясновидящей, описанную ею картину видения, попытку интерпретации символично-аллегорического содержания. Если тексты, изученные автором в главе о Понятовской и Томицкой, привлекаются для исследования не часто, то знаменитому сборнику религиозно-назидательных рассказов «*Великое зеркало*» посвящена огромная научная литература на разных языках. В монографии А. Борковского это произведение актуализировано прежде всего в двух аспектах: во-первых, охарактеризованы опыты рецепции памятника на славянских территориях и подчеркнута «огромное влияние данного произведения на литературную и духовную жизнь восточных славян» (с. 92); во-вторых, специально выделен ряд текстов, героями которых выступают еретики (книжники, фарисеи, лютеране, ариане, просто «отщепенцы»), и на этой тематической основе изучен антиеретический (антииноверческий) дискурс, где существенны такие ключевые концепты, как «адская пытка», «нечистая сила», а также морально-этические примеры и поучения из книг Св. Писания.

В разделе «*Политика*» А. Борковский продолжил разработку темы еретиков и иноверцев, но уже в произведениях польского теолога Петра Скарги (1536-1612). Его «*Сеймовые проповеди*» и «*Призыв к покаянию*», рассмотренные исследователем как показательные тексты старопольской полемической литературы, дают не только яркое представление о сложных общественно-политических и религиозных отношениях в Речи Посполитой на рубеже XVI и XVII вв., но и об особой позиции проповедника как провидца и пророка, ориентированном на Библейские Книги и стоящем на страже национальных ценностей. В результате анализа произведений выдающегося проповедника автор выявил общие представления Скарги о еретиках (иноверцах) и язычниках, охарактеризовал в целом его богато орнаментированный риторический стиль, обратил внимание на характерные стилистические особенности при описании еретиков, чьи образы соотносятся, сравниваются (иногда противопоставляются) с растениями (виноградная лоза, дуб, яблоневый плод, семена) и животными (волки, львы, леопарды, бараны, овцы, телята); с человеческим телом, его членами и болезнями; с городом, зданием, укрепленной крепостью и проч. Все средства художественной изобразительности, использованные Скаргой в полемических целях, по верному наблюдению автора, призваны отвратить от еретичества и предотвратить возможные политические риски, угрожавшие безопасности государства (с. 107-108).

Отдельную главу А. Борковский посвятил барочному bestiарию, а точнее образу коня в политическом и панегирическом дискурсе мемуариста эпохи барокко Яна Хризостома Пасека (1636-1701). На основе кропотливого изучения личных заметок польского шляхтича, а также дополнительно привлеченных разнообразных исторических и художественных источников, старопольских специальных справочников А. Борковский подчеркнул уникальную цивилизационную роль коня, его функции в военных действиях и значение в рыцарской культуре, особо отметил «эмпатические и глубокие эмоциональные отношения между наездником и верховой лошастью» (с. 130), указал на семиотику предзнаменования, отметил также некоторые комические или гротескные ситуации, изучил множество других интересных наблюдений и замечаний Пасека о конях. В результате рассмотренных материалов исследователь пришел к заключению, что «конь в „*Записках*” - существенный компонент риторической культуры и – шире – политического дискурса, героями которого являются москали, шведы, венгры, литвины, турки или поляки» (с. 138).

В следующей главе автор сосредоточился на характеристиках, оценках и восприятии турков и татар (которые в XVII в. вели многочисленные войны) такими крупными представителями барокко, как украинский поэт Лазарь Баранович (1593-1694) и поляк Вацлав Потоцкий (1625-1696). А. Борковский обратился к характеристике малоизученных произведений и на их основе представил взгляды обоих авторов на военную угрозу с турецко-татарской стороны. При всех различиях изучаемых поэтов исследователь обнаружил в их творчестве общность в восприятии воинственных иноверцев: не принимаются религиозные и моральные устои турков и татар, они воспринимаются однозначно враждебно, доминирует сильнейший страх перед военной экспансией и жестокостью мусульман-исламистов. Отмеченные позиции, согласно Борковскому, определяют характер политического дискурса эпохи.

В последнем разделе «Общество» автор обратился к изучению восприятия еврейства в Речи Посполитой; рассмотрел польскую гиппику и завершил свое исследование главой, посвященной эпохальным катастрофам. В XVII в. в Польше, как отмечает автор монографии, заметно увеличивается количество текстов антиеврейского содержания (с. 153). Согласно его наблюдениям, еврейство представлено в пасквилях, памфлетах, фразках, обширных полемических трактатах и других жанровых формах как этническая группа, связанная прежде всего с прибыльным производством алкоголя и его продажей, а также с торговлей продуктами питания, одеждой, золотом и проч. В текстах эпохи барокко утверждается образ еврея-торговца, ростовщика, арендатора, который «ловко передвигается по мультикультурному южному пограничью Речи Посполитой, где соприкасались польская, украинская, словацкая и чешская культуры» (с. 156). В литературе изучаемой эпохи остро звучала проблема религиозных различий. Обращение евреев к Талмуду, Торе ассоциировалось зачастую с магией, контактами с нечистой силой, обуславливало недоверие поляков к евреям и даже страх. В результате антисемитский дискурс, по наблюдениям автора, приобретал тотальный характер. При этом А. Борковский отметил любопытный парадокс: если в общественных дискуссиях еврейство, как правило, становилось предметом грубых инвектив и клеветы, то в реальной жизни оно развивалось, обогащалось и даже серьезно продвигалось по общественной лестнице. Значит в обществе существовала и некая толерантность.

Далее А. Борковский изучил образцы «прикладной литературы», в частности три гиппических справочника («Хиппика, то есть о лошадях книги» Кристофа Дорохостайского; «Хиппика, или Способ познания, воспитания и становления коней, написанная Кушиштофом Пенёнжском» и анонимный текст «*Gospodarstwo jezdeckie, strzelcze i myśliwczcze do druku podane 1690 г.*»), где обнаружил не только практические сведения и научную информацию своего времени о разведении, выезде, лечении лошадей, но и красочные фольклорно-мифологические и литературные описания этих животных. В результате был сделан вывод, что *гиппический дискурс* эпохи барокко неоднороден и включает в себя несколько разновидностей, обусловленных практическими советами; научными, в частности, медицинскими рекомендациями; мифологическими, фольклорными, литературными образами.

Завершая последний раздел и книгу в целом главой, посвященной катастрофам эпохи барокко (на материале произведений Яна Жабчица, Стефана Корбела, Яна Чернянского, анонимных авторов), автор тем самым как бы демонстрирует конец великой культурной эпохи.

Следует признать, что далеко не все тексты, возникшие в эпоху барокко, несут на себе характерные признаки великого стиля барокко, однако каждый из них, обладая своим «голосом» составляют полифонию эпохи. Заслуга автора монографии в том и состоит, что он стремился дополнительно выявить эти, пока «неучтенные» наукой «голоса» и определить их роль в словесной культуре славян. Рассматривая сложные лабиринты дискурсов в славянских литературах эпохи барокко, автор обращал внимание в первую очередь на проблемно-тематические, образно-символические, интертекстуальные и стилистические переключки, но вместе с тем стремился зафиксировать у представителей разных славянских культур и элементы несходные, иногда противоположные. Это «отступление» от традиционных компаративистских

установок дополнительно акцентирует внимание на многогранности и сложности изучаемых явлений.

В процессе знакомства с содержанием монографии возник ряд дискуссионных вопросов, на которые хотелось бы услышать ответы автора:

1. Каковы содержательные и формальные составляющие понятия «славянское барокко»?
2. Чем обусловлен выбор для исследования произведений четырех культур, как указано в монографии (польской, русской, словацкой, чешской)? Хотя в тексте анализируются и произведения украинского барокко.
3. Применительно к барокко в науке употребляется формула, ставшая традиционной «Барокко как архетипический лабиринт в культуре». В монографии выведена формула: «Дискурсы эпохи барокко как творения, подобные лабиринту». Просьба к автору прокомментировать обе эти формулы.

Замечания:

1. Как уже указывалось, не выдержан единый критерий на уровне проблемно-тематического структурирования монографии.
2. «Великое Зерцало» не является восточно-славянским произведением XVII в., как указано в монографии (с. 7)
3. Содержание литературных текстов в научной монографии следует передавать, ориентируясь на источник, а не на учебник (см. с. 16-17); нет смысла также включать подробные характеристики того или иного жанра, опираясь на широко известные словарные статьи (нр., ст. J. Sokolskiego, *Poemat alegoryczny, w Słowniku literatury staropolskiej /1998/* представлена развернутыми цитатами на с. 15-20).
4. В ряде случаев рассматриваемые тексты цитируются то в переводе на русский язык, то по-польски, хотя указан только один источник. Так представлен, нр., текст *Kazań sejmowych Piotra Skargi* на сс. 111-121. Приведу небольшой пример. На с. 120 текст оформлен таким образом: «Их мужество демонстрирует следующий фрагмент: „Язычники за Речь Посполитую умирали, ни на что после смерти не надеясь, [...] na samej tylko poczciwej sławie u ludzi przestają»»; постраничная сноска дает указание на *Kazania sejmowe*, s. 59. Не ясен смысл таких двуязычных совмещений.
5. К сожалению, в тексте книги встречается немало стилистических неточностей и опечаток (см.: с. 8, 11, 12, 13, 20, др.).

Несмотря на указанные замечания, рецензируемая монография состоялась как самостоятельное, оригинальное научное исследование; ее автор обладает необходимой начитанностью в области изучаемых научных проблем, отличается общей эрудицией, умением наблюдать, классифицировать и обобщать полученные результаты. Работа в целом соответствует основным требованиям, предъявляемых к диссертации.

Считаю, что д-р А. Борковский заслуживает искомой научной степени.

Проф. Людмила Луцевич